

- - [Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения](#)
      - [1. Жизнь под руководством](#)
      - [2. Жизнь по правилам](#)
      - [3. Путь тесный и прискорбный](#)
      - [4. Ревность о спасении](#)
-

Введение

Содержание

**Что потребно покаившемуся и вступившему на
добрый путь спасения**

1. Жизнь под руководством

Как новорожденному дитяти нельзя жить без матери, которая печется о нем, лелеет его, пестунствует, так и новорожденному в духе и обратившемуся существенно нужны на первый раз пестун и пестунство, руководитель и руководство.

Необходимость в руководителе-отце очевидна сама собою. Всякому, начинающему искать спасения, нельзя братья за это дело самому или содевать свое спасение по своему разумению и хотению; но с первого же раза надо отдать себя кому-нибудь под науку в сем. Вступил он на новый, совершенно неизвестный ему путь: пусть же пользуется верным указанием, а не останавливается на одних своих догадочностях. Ходит он сначала как в тумане, или в лесу каком мрачном, и посреди сетей; пусть же подает руку тому, кто может вывести его оттуда и поставить «на пространне нозе его» ([Пс. 30:9](#)). Он больной: как же можно решиться лечить самого себя в духовных болезнях, тончайших, когда и тела своего не только обыкновенные больные, но и врачи сами не лечат? Тому только, к чему естественно рождены, можем мы и не учась навыкнуть; искусствам же и мастерствам обыкновенно обучаемся — например, писать, рисовать, петь и прочее. А дело спасения есть искусство искусств и наука наук: как же можно обойтись тут без учителя? Кто поступает таким образом, тот, в самом начале пути спасительного, допускает в себе расположение самое пагубное, именно: самонадеянность и самоуверенность. Правда, «един... есть наш Учитель Господь» ([Мф. 23:8](#)), и «Дух Божий всегда способствует нам в немощах наших» ([Рим. 8:26](#)), и «помазание Его учит нас всему» ([1 Ин. 2:27](#)); но начавший нисколько еще не способен к такому внутреннему непосредственному Божественному водительству. Бывают случаи, когда неизбежно оставаться при нем одном, — и уповающего Господа не посрамляет. Но случаи такого рода должно относить уже к числу чрезвычайных, чудесных. Чаять же себе чудесности при обыкновенном порядке вещей — значит искушать Бога. Господь, явившись Апостолу Павлу, сначала послал его к Анании ([Деян. 9:6](#)), а потом уже и Сам непосредственно научал его ([Гал. 1:12](#)), и Апостол сей, уже наученный Богом, вступив на поприще проповедания, притекает к совету других Апостолов: «да не... вотще, — говорит, — теку или текох» ([Гал. 2:2](#)). Может Господь воспитывать и чрез Ангелов, как это было и в наши времена, в американских владениях; в древние же времена бывало нередко так, что и наставление, и пищу, и причащение приносили Ангелы, как видно из повествования святого Пафнутия о четырех отроках. Но все это суть пути к спасению, руководство и воспитание необыкновенные, которых ожидать и неблагочестиво, и опасно, по той причине, что и враг наш может принимать образ светлого ангела ([2 Кор. 11:14](#)).

Следовательно, надобно держаться смиреннейшей части и покоряться человеку ради Бога, как Богу.

Путь этот оправдан опытами всех святых, просиявших как светила на тверди христианской. Величайшие угодники Божии всегда пользовались советом и руководством. Антоний Великий, Макарий Египетский, Пахомий, Иларион, Евфимий, Савва и все начало содевания своего спасения полагали покорением себя отцу своему духовному и обучались подвижничеству под его наставлением. Зато скоро созревали и усовершеншались без уклонения и опасных преткновений. Напротив, другой путь, своеличный, по своему уму и сердцу, всегда был почитаем путем заблудным и гибельным. Сколько было разительнейших опытов, что подвизающийся, лишь только уклонялся от руководства, тотчас падал в прелесть, был опутываем сатаною и погибал! Святой Иоанн Кассиан повествует об Ироне — старце, который пятьдесят лет провел в посте, трудах, бдениях и молитве и всех удивил своею строгостию; но после, потому именно, что возмнил остаться с одним своим разумом и волею, принял сатану за

Ангела и по его наущению ночью бросился в пустой колодец в надежде, что будет взят на руках Ангелами, и разбился так, что на третий день, по извлечении из колодца, скончался (Собесед. 2-е, гл. 5). Он же упоминает еще о других двух, кои, по своей воле и помыслу, устремились в пустыню, в ожидании, что Господь пропитает их там (Собесед. 2-е, гл. 6). Один из них, по истощении сил, спасся, приняв пищу от диких поданную; а другой — погиб, оставшись и здесь при своей воле. Тот же Кассиан говорит о некоем, принимавшем откровения от беса, свет в келии видевшем и наученном принести в жертву сына, что, впрочем, не сбылось (Собесед. 2-е, гл. 7); и еще о труженике подвижнейшем, которого бес совратил в иудейство через сновидения (Собесед. 2-е, гл. 8). Подобная же повесть предлагается в Прологе на девятый день января: молодой подвижник своевольно поселился в пещеру горную, принимал откровения от беса и поверил ему, что будет взят на небо, — и погиб бы, если б не сохранила его благодать и не внушила, хотя не с истинным расположением, открыть о том игумену.

Так-то, нет несчастнее, нет ближе к гибели того человека, который не имеет для себя руководителя на пути Божиим, особенно кто едва только отстал от худого образа жизни. Пространно и назидательно изобразил это святой Дорофей в своем слове на сей предмет, которое можно посоветовать всякому подвижающемуся иметь при себе и почасть прочитывать (см. Поучение 6).

Святой Петр Дамаскин, в первой книге своей — в «Добротолубии», осматривает всех людей всех времен, бесконечно разнообразных по возрастам, сложению, званиям и состояниям и находит между всеми ими, несмотря на различие до противоположности, и спасаемых и погибающих. «Помышляя о сем, — говорит он, — я сокрушался душою и в недоумении до изнеможения вопрошал: что за причина сему и какое начало нашему спасению или гибели?» Долго трудился он над этим, ища умом неложного решения, и вот какое нашел у святых отцов рассуждение: «Начало всякого блага и всякого зла есть данный человеку разум, и по разуму — воля. Начало спасения: да оставит человек свои хотения и разумения и сотворит Божии хотения и разумения. Прежде закона, в законе и во благодати много обретается спасенных, потому что они предпочли разум Божий и волю Его паче своих разумений и хотений; и опять во все те времена много обретается погибших, поскольку свои хотения и разумения предпочли паче Божиих. Волю же Божию (в частных случаях) узнать иначе нельзя, как через рассуждение, и рассуждение не свое, а утверждаемое вопрошением имеющих дар рассуждения и опытных. Только сим образом узнаем, какие хочет Бог чтобы мы проходили делания. Если же не так, не можем спастись никак. Без сего даже и то, что мы почитаем благим, не бывает на добро, или потому, что неблаговременно, или потому, что не нужно». Также и святой Иоанн Кассиан, доказав, что все должно делать с рассуждением, для познания, какое есть истинное и от Бога рассуждение и какое лжеименное и притворное, диавольское, говорит от лица аввы Моисея: «Истинное рассуждение не приходит иначе, если не от истинного смирения, когда не только то, что делать хотим, но и то, что помышляем, открываем отцам, и ни в чем своему помыслу не веруем, но во всем последуем словесам старцев, то одно и добром почитая, что они таким признают. Такое действие не только благоустраивает человека невредимо шествовать правым путем, но и от всех сетей диавольских сохраняет его невредимым. Ибо тому, кто судом и советом предупевших управляет жизнь свою, невозможно пасть от прелести бесовской; так как он, самым этим действием объявления и открытия злых помыслов отцам, обессиливает их и немощнейшими творит. Как змей, из темной норы изнесенный на свет, тщится убежать и сокрыться; так и лукавые помыслы, будучи обнаруживаемы исповедию и сказыванием о них отцам, убегают от человека» (Собесед. 2-е, гл. 10).

Так велика нужда и столь неисчетно благо подвергнутая себя руководству других; однако ж, не без разбора и кому прилучится. «Многие из старцев, — как там же говорится у святого

Кассиана, — вместо пользы — вред, вместо утешения — отчаяние причиняют вопрошающим, и сие оправдывается примером». Святой Петр Дамаскин о себе говорит, что сам он много раз терпел вред от тех, коих спрашивал. Почему пишет: «Не всякий, кто стар летами, уже способен к руководству; но кто вошел в бесстрастие и приял дар рассуждения». Хорошо не таить своих помыслов от отцов; однако ж, не всякому, кто ни прилучится, надо их сказывать, но старцам духовным и дар рассуждения имеющим, мудростью, а не одними летами поседевшим. Многие, смотря на один возраст старости, открывали свои помыслы и, вместо врачевства, по причине неискусства выслушавших их, впадали в отчаяние. Не всякий может руководить, и это не только по собственной неуспешности и незрелости, но нередко по быстроте созрения. Многие, по причине великой простоты и великого жара ревности, очень скоро проходят первые степени, и многого не испытывают. Неискушенные же не могут и искушаемым помощи. Сверх того, рассуждение есть один из даров Святого Духа, коих много, и не все даются всем, а «коемуждо якоже хочет Бог» (1 Кор. 12:11). «Чувствия обучена... в рассуждении добра... и зла» (Евр. 5:14) свойственны всякому очищенному, но разбирать всякие случаи, решать обычайное и необычайное, и что из того может быть допущено и что должно отвергнуть, это могут только зрящие. Вообще, такие светильники Богом образуются и Богом изводятся на дело. Смотрите в житиях: подвизается человек Божий в трудах общежития, отходит на уединение, живет скрытно от всех; наконец, говорится о нем: явил Господь светило. Годный не может укрыться; начинают около него собираться, — и строится премноголюдная обитель: так у Антония Великого, Саввы Освященного, Антония Киево-Печерского, Сергия Радонежского; так прежде, так и теперь.

Отсюда видно, что истинным руководителем может быть только победивший страсти, и через бесстрастие соделавшийся сосудом Святого Духа, научающего всему, или тот, кто прошел первую степень и чрез внутренний крест и распятие восприял Бога, или восприят Им, и есть Им действуемый и водимый. Только такой может быть назван опытным, непрелестным, искусным, надежным руководителем. Святой Иоанн Лествичник сравнивает его с Моисеем, по дерзновению пред Богом, и с Ангелом, по чистоте и совершенству в духе. «Желая выйти и избежать из Египта и от Фараона, поистине и мы имеем нужду в некоем Моисее, в ходатае к Богу и по Бозе, который бы, стоя посреди деяния и умозрения, воздевал о нас к Богу свои руки, чтоб путеводимые им, прешедши греховное море, то есть страсти, обратили в бегство Амалика. В прелести находятся те, кои, возложив упование на самих себя, возмнили, что не имеют нужды в путеводителе. Из Египта исшедшие имели своим путеводителем Моисея, а из Содомы избегшие — Ангела. И одни из них подобны исцеляющим душевные страсти под попечением искусных врачей, каковы исшедшие из Египта; другие же подобны желающим совлечься нечистоты бедственного дела: почему и имеют нужду, чтоб им споспешествовал Ангел, или, по крайней мере, скажу так, кто-либо равноангельный: ибо, по гнилости ран, потребен нам и врач, и язвоцелитель» (сл.1).

Каков должен быть руководитель — полнее можно видеть у того же святого Иоанна Лествичника в наставлениях его настоятелю. Там назван он врачом, кормчим, учителем, книгу в сердце написанную имеющим и не от человека наученным, бесстрастным, в Боге живущим и прочее. Видимо, то есть, что он должен быть из коснувшихся последних степеней совершенства. Василий Великий так говорит об этом: «Со многим попечением и разумением потрудись найти в предводителя твоего жительство мужа непрелестного, хорошо умеющего наставлять идущих к Богу, цветущего добродетелями, в своих делах имущего свидетельство своей к Богу любви, разумеющего Божественные Писания, немногозаботливого, несребролюбивого, нелюбостязательного, безмолвного, боголюбивого, нищелюбивого, безгневного, непамятозлобного, многоназидательного для сближающихся с ним, нетщеславного, негордого, неласкательного, не непостоянного, ничего не предпочитающего Богу» (Т. 5. С.

Таковы совершенства истинного отца! Без этого он не возможен, при всем усердии, вести к спасению души, вверившие ему себя. Путь, ведущий к Богу, можно изучить из книг, из примеров и учения святых отец и указывать его другим: но руководитель должен не указать только, но и вести, и не вести только, но как бы нести на себе. Он должен быть сильным в молитве ходатаем пред Богом и отгнателем невидимых врагов; а для сего должен иметь дерзновение и силу веры, наступающей неблаженно на всю силу вражью: это дается или стяжается на второй степени, то есть совершенными. Святой Иоанн Лествичник является во сне и пробуждает ученика, на которого готова была пасть гора. У святого Варсонофия множество опытов, что ученики, ради молитв его, избавлялись от мучительства страстей и стужения бесов. Чтобы вести, надобно видеть все распутия, опытно знать их и знать, как они отклоняются; а для сего надобно стоять на некоторой высоте, с коей можно бы обозревать и все пути, и всех идущих, и того между ними, кто вверился. Словом своим, как рукою, он наставит его, как идти прямо, без уклонений, скоро, среди всех распутий без блуждания. Не очистившиеся от страстей, все стоят на одной линии в уровень, ученый ли кто или неученый, читал ли кто науку о подвижничестве или не читал. Толпу же составляющие люди не видят, куда и как пройти, а толкают только друг друга и идут, как идется, то туда, то сюда, ожидая, не попадется ли им нужная тропинка, чтоб выйти на простор; между тем, как по голосу, который вне толпы, тотчас выйти можно. Дело все в покорении страстей: не победивший страстей не может дать надежного правила на их покорение, потому что сам страстен и судит страстно. Затем-то умный, но сам не испытавший, руководитель никогда не поведет далеко, при всем своем желании. И сам он, и руководимый будут говорить, рассуждать о путях Божиих и все толочься на одном месте. Сверх того, ему должна принадлежать некоторая естественная властная сила над душою ученика, чтоб она беспрекословно, молча, покорялась ему, была как ведомая. Силу же духа, не покоривши страстей и не приявши Духа Божия, иметь нельзя. А без этого слово всегда будет бессильно, бесплодно, потому что не может родить того собою, чего в себе не заключает, как учит преподобный Макарий Великий.

Таких совершенств должен быть истинный руководитель и верный наставник! Но и вверяющий себя ему, когда Господь сподобит обрести такового, подвергается великим и строгим обязательствам.

Существо руководства и сила его состоят в завете между духовным отцом и учеником, полагаемом пред лицом Бога, в коем отец берет на себя спасение души ученика, а ученик предает ему себя всецело. В этом завете существенное отличие руководства от совещаний и вопрошений. Наставление, даваемое в последних, не связывает, а в том всякое слово — закон: там вопрошающий имеет еще свободу рассуждать и рассматривать, а тут всякое рассмотрение неуместно и губительно. Ученик предает себя всецело. «Ты, — говорит святой Василий Великий, — отдай ему себя совершенно упраздненным, то есть, чтоб уже у тебя своего или на свою долю ничего не оставалось, а все принадлежало отцу; иначе этот остаток древней закваски будет портить вновь влагаемое в тебя, и все такое смешение будет безвкусно, негодно Богу, противно». У святого Иоанна Лествичника приводится пример, как один говорил к своему наставнику: «как ковачу вручается железо, так и я, преподобнейший отец, тебе предался» (сл. 4, 23). Как чистое полотно у живописца или как доброе вещество у скульптора, — таков ученик в руках отца. Он взял иго Христово на себя в решимости угождать Ему; а теперь, как говорит святой Лествичник, «с выи своей на чужую возложить оное тщится» (Там же, п.5). Он походит на того, кто «поверх воды, руками чуждыми поддерживаемый, переплыть море намеревается». Поэтому и называет он жизнь под руководством добровольною смертью, гробом, сонным путешествием, безопасным плаванием. Ученик есть как бы не действующий, а деемый.

Это со стороны ученика. Со своей стороны и отец дает решительное уверение о спасении его души собою, берет на себя его грехи и ответ пред страшным судом Божиим. У святого Варсонофия это выражается во многих местах и очень часто. Например, одному, который просил: «Дай мне слово, господин мой, что ты отвечаешь о мне Богу, и не будет мне вреда», — он отвечал: «Я сладце душу мою полагаю за тебя, смерть только разлучит между мною и тобою» (Отв. 57); другому: «Уразумей, что пишу и скрой у себя: сделаю, что ты услышишь радование небесное, владыческое, Божественное, наследником моих дарований будешь» (Отв. 10); иному еще: «Беру половину грехов твоих», и когда тот усугубил прошение: «беру и все, послушания ради» (Отв. 163, 164). Даже что обещает? «Если соблюдеши мою заповедь, паче же Божию, исповедаю, что отвечаю за тебя в день оный, в который Бог имеет судить тайная человеков» (Отв. 58). А в другом месте молится: «Владыка, или введи со мною и чад моих в Царство Твое, или и меня изгладь из книги Твоей» (Отв. 110). Но такое великое обещание дается под условием решительного, охотного, беспрекословного исполнения учеником всех заповедей отца, от сердца, как Божиих, так что, коль скоро допущено уклонение, — завет нарушен и обещание теряет обязательную силу. Отец берется как бы вознести на себе душу ученика на небо, но под условием, чтобы и этот искатель напрягался, трудился. Такому ищущему по вере Господь помогает, и тот, в уповании на Бога, хотящего всем спастися, не сомневается, что все будет ему и словом, и делом во спасение. Собственно, он становится посредником между ним и Богом, посредником неложным, верным, безопасным: что сказано, то и будет.

Так он говорит одному: «да напишутся слова мои в сердце твоём, навяжи их на руки, да будут пред очами...», а далее: «покажи их и чрез совершение делом» (Отв. 11). Другому говорит: «молюсь, день и ночь подвизаюсь за душу твою, но и ты спотрудись, сподвигнись, иначе все бесплодно. Ищи соли, — и соосолю тебя» (Отв. 24, 70). И еще: «если ты нарушишь что из сего, я неповинен; ты узришь и отвечать будешь в день он страшный» (Отв. 57). Вследствие сего между ними образуется неразрывный, сердечный, духовный союз, по коему отец в сыне и сын в отце пребывают духом сорастворены; и это не на время только воспитания, но и на всю вечность. Святой Варсонофий одному скорбевшему пишет: «видя скорбь и мятеж постигшего тебя искушения, я возболел так люто, как никогда; наипаче помянув, что Апостол говорит: «кто изнемогает и не изнемогаю» ([2 Кор. 11:29](#))» (Отв. 57). Другому говорил: «я неотходно с тобою; когда идешь ты на послужение общежитию, всячески с тобою идет и сердце мое, соблаговолящу Богу» (Отв. 27). Или: «благодатию Христа Сына Божия, не отлучаюсь я от тебя, но с любовию твоею есмь присно духом» (Отв. 55). Еще: «брате, как своей собственной душе говорю: ибо Господь связал душу твою с моею, говоря: да не отступиши от него» (Отв. 159). И истинный ученик у святого Иоанна Лествичника изображается так: «душа, Христовою любовию и верою к пастырю своему привязанная, не отстанет от него даже до пролития крови, особенно когда она и исцелена некогда чрез него от ран своих. Она помнит слова того, кто говорил: «ни ангелы, ни начала, ни силы... ниже кая... тварь другая может разлучить нас от любви Христовой» ([Рим. 8:38—39](#)). Если же она у кого сим образом привязана, сплетена и прицеплена не будет, то сей напрасно житие свое препроводит, обращаясь лицемерно и притворно пред отцом» (сл. 4, п. 28). В этом сердечном союзе вся сила и сущность завета. Чрез него на немощного ученика изливается вся сила отца. Потому враг всемерно старается всячески расстроить его и тайными внушениями и даже призраками внушает то недоверие, то подозрение, то желание отойти к другому, как есть примеры тому у святого Варсонофия (Отв. 159 и др.). По такой важности этот сердечный союз должен быть первым предметом молитвы ученика: «открой мысленно Богу свою веру и любовь нелицемерную к настоятелю своему, и Бог втайне возвестит ему о твоей к нему любви, и сотворит его равно к тебе благосклонным и дружелюбным» (Леств. сл. 4, п. 45).

Такой, впрочем, союз, есть великое духовное таинство, совершаемое Самим Богом. Не

всякий истинный отец для всякого ученика и не всякий истинный ученик для всякого отца. Ищущему с полною верою и преданностью Господь указывает и приводит к тому, кто может, силою Его, привести его к спасению; и истинному достойному отцу полагает в духе извещение принять и нести тяготу сего именно немощного. Так у святого Варсонофия, Иоанн показался было и потом долго не приходил. Когда авва Серил помыслил, что он не придет уже, святой Варсонофий говорит: «телом отстоит, а духом с нами, и не разлучится отныне и до века» (Отв. 5); и еще прежде говорил: «за два года Господь сказал мне, что придет» (Отв. 1). Один из учеников говорил ему: «прибежище и пристанище послал тебя Господь мне» (Отв. 159); другому он говорил: «верим, что Господь привел тебя сюда: не иждиви же тщетно благодати» (Отв. 163).

Отсюда само собою открывается: каков должен быть ученик в отношении к отцу своему.

Все, сюда относящееся, само собою вытекает из того духа, в каком предает себя ученик отцу, и того союза, какой сочетается между ними.

К отцу своему ученик должен иметь полную и несомненную веру, — веру в то, что он знает путь Божий, может доводить по нему к совершенству и доведет именно и его, что он силен у Бога, и Бог чрез него укажет ему прямой и незаблудный путь; потому все его наставления принимать как совершенно истинные, решительно-спасительные и Богоугодные. Эта вера должна быть светла, чиста и никаким даже слабым облаком сомнения не омрачаема; ибо ее ослабление есть ослабление и сердечного союза, а ослабление сердечного союза извращает все дело и делает его бесплодным. Потому должно хранить эту веру как зеницу ока. «Сколько вера цветет в сердце, — говорит святой Лествичник, — столько тело успеваает в своем служении; а как скоро кто о камень веры преткнется, то уж нет сомнения, что таковой падет; ибо справедливо то, что «все, что не по вере, грех есть» ([Рим. 14:23](#)). В простоте сердца повинующиеся, если чрез любопытство о настоятелевых повелениях не станут воздвигать на себя бесовских хитростей, то добре о Господе путь свой совершат» (сл. 4, п. 7, 9). Потому и сами отцы прежде всего удостоверались в вере к себе тех, коих принимали под руководство, и если замечали ее отсутствие, то не принимали. Так святой Варсонофий одного не принял под свое руководство, когда заметил в нем неверие; а когда оно закралось, по наваждению бесовскому, в принятого, то поспешил уврачевать его (Отв. 161). «Тем, кои восприяли о Господе попечение о нашем спасении, — говорит Лествичник, — мы без всякого любопытства должны верить, хотя бы нам казалось, что они и противное что-нибудь спасению нашему устанавливают. Тогда-то наше к ним доверие, как в горниле смирения, искушается. Ибо то и есть знак истинного доверия, когда кто хотя видит что-нибудь чаянию своему несколько противоречащее, однако, поелику учреждают то начальники, верит им несомненно» (сл.4, п.104).

Должно всячески чествовать отца своего, иметь лице его честным, светлым; не только в слове и чувстве, даже в мысли не иметь ничего омрачающего его или умаляющего сей свет. «Если, — говорит Лествичник, — желаем со всяким смиренномудрием под иго Господне выю свою подклонить и другому нелицемерно вверить спасение свое, то, прежде вступления нашего в монастырь, должны мы, если есть в нас сколько-нибудь проницательности и разума, рассуждать и испытывать о своем кормчем, — должны его искушать, чтобы не попасть нам, скажу так, вместо кормчего на простого гребца, вместо врача на больного, вместо непорочного на сластолюбца, вместо пристани в пучину, и не уготовать самим себе кораблекрушения. По вступлении же на поприще благочестия и отвержения мира, уже не должны со всею строгостию рассуждать о добром нашем подвигоположнике, хотя в нем, как в человеке, может быть, увидим и погрешности некие маловажные. Иначе с таким строгим о делах настоятеля своего испытанием никакой не получим мы пользы от оставления мира. Тем, кои желают навсегда соблюсти несомненное к своим наставникам доверие, нужно хранить в сердце своем

неизгладимо и незабвенно добрые их дела, дабы воспоминанием о них заграждать уста бесам, когда они станут в нас воевать недоверие к ним. Если мысль твоя понуждает тебя к тому, чтобы ты осудил или похулил своего наставника, то ты от сего отскочи, как бы от блудодеяния, и отнюдь не давай змию сему ни обнадеживания, ни места, ни входа, ниже какого приступа, — а напротив, воскликни к нему: о, прелестник! — не я приял суд над моим начальником, но он надо мною судиею поставлен!» (сл.4, п.6—7). Сие чествование и благоговеинство непоколебимое растет от веры и ею утверждается: как, напротив, сейчас слабеет, коль скоро слабеет вера, и обратно. Потому на сии два пункта особенно и устремляет враг свои стрелы. Нередко даже привидения строит в помрачение чести отца, чтоб отбить от него ученика, как пострадал Елисей, ученик аввы Исаии. Потому-то, когда в Лествице инок спрашивает у Иоанна Савваита, советовавшего ему предаться отцу: «что ежели сей отец, по нерадению своему, в чем-нибудь погрешит?» — то старец сказал на это: «хотя бы ты увидел его творящим грех, не отходи от него, но скажи сам себе: «друзе, зачем ты сюда пришел?» тогда увидишь, как тотчас исчезнет в тебе всякое возвышение» (сл.4, п.112). Во всем следует положиться на отца или стоять в той уверенности, что удовлетворение всякой его нужды будет исправлено молитвою отца, всякое зло отвращено, всякое благо подано. «Мене держись, — часто говорит святой Варсонофий, — выведу тебя и скоро введу в покой и Богу представлю»; или так: «наследником моим будешь, даров моих сподобишься», или: «вместе ляжешь в одной раке». Все сие содержится в вере, в той вере, что Господь, ищущий спасения всех, спасет его чрез отца и все сделает для него по вере его. Ученик чает, что Господь, по благодати Своей, ради молитв отца, и помилует, и грехи простит, и благ духовных не лишит. Оттого со всем бежит к отцу как сын, в несомненном чаянии, что получит удовлетворение, — и получает. У святого Варсонофия ученики часто говорят: «скажи слово, — и будет так». «Ты нам — пристанище». Когда заболел он, то взывали: «Куда нам деваться?»

Естественным следствием веры, чествования и надежды должно быть успокоение под руководством отца как под безопасным кровом. Преданностию ему он пресекает всякое попечение о себе, всякую заботу и опасение. «Он, — пишется у святого Варсонофия — говорит от сердца к отцу: верю, что Господь тобою спасет душу мою; твори со мною, что внушит тебе Господь. Я — уже не я» (Отв. 57). «Если кто, — говорит Лествичник, — по чистой совести навсегда предал себя своему отцу, таковой прочее смерти своей, как сна, не боится, ведая точно, что, при исходе из сей жизни, не от него, но от настоятеля его востребуют ответа» (сл.4, л. 50). Потому дело спасения своего он считает как бы решенным. «Не забудь, — говорит еще Лествичник, — в жизни твоей оного великого подвижника, который хотя в целые 18 лет телесными ушесами от наставника своего не слышал сего слова: спасайся; однако ежедневно душевным слухом ощущал от Бога не слово «спасайся», что означает одно только желание говорящего и то неизвестное, — но речь: «спасен сей», которая знаменует точное вещи определение и несомненность» (Там же, п.106). Так решительно успокаивает ученика Сам Господь.

На его стороне остается только: охотное, усердное, живое действие, по указанию и определению наставника — отца. Ибо успокоение не означает недеятельность, а только пресечение всякой заботы о ней и ее плодах или успехе. Ученик должен быть всегда наготове, в бодрой напряженности, а не в разлениии. Святой Иоанн Лествичник изображает его стоящим на ничем не связанных ногах, из коих одну стопу к услужению простирает он, а другую — при молитве неподвижно держит (сл. 4, п. 2); послушание же называет «сонным путешествием» (Там же, п. 3): путешествием — по трудам и успехам, а сонным — потому, что все это строится не им. Святой Варсонофий часто обращает к просящим его помощи такую речь: «спотрудись, сподвигнись, вспотей над тем, что я сказал» (Отв. 61). «Я приступаю, — говорит, — за тебя к

Господу, но если и ты так же не приступишь, то срам велик» (Отв. 70). Духовный отец берется спасти ученика, — но как бы его силами; хочет быть делателем, — но в нем, быть его душою. И ученик успокоен только в отрадной благонадежности и несомненности касательно своей участи; а сам все же в потах и трудах.

Действование по манию отца-наставника обязывает к следующим трем действиям:

а) Ничего не слагать умом и сердцем ни касательно прошедшего, ни касательно настоящего, ни касательно будущего: или не верить себе, своему уму и сердцу ни в чем. Не знать, что как есть, даже не хотеть знать и бояться думать, что оно так и так есть без указания отца. Не решать самому: то и то хорошо или худо, в себе ли, или в других, а как скажет отец. Не замышлять и не определять ничего, даже за одну минуту вперед, потому что это зависит от отца. Таким образом, сие «неслагание» есть решительное замолчание всякого внутри произвольного движения сил, пустота, праздность от всего. Оно требует, чтоб умом ничего не было определено, сердцем не вкушено, волею не возделано; помысли, возжелай, вкуси, когда и как велят; а без того, стой в пустом, ожидательном состоянии. Это, по святому Лествичнику, «нелюбопытная жизнь» (сл. 4, п. 3), или «недоверчивость к самому себе во всех добрых делах даже до конца жизни» (Там же, п. 5). Этим заглушается собственное чувство, собственный в вещах вкус. Хорошо то, что по отцу хорошо; худо то, что по нему худо, хотя бы и казалось тебе хорошим. В этом состоянии упраздненный стоит пред лицом наставника, готовый принять влагаемое.

б) Но, при всем желании и напряжении, поставить себя в молчаливое положение решительно невозможно. Будут рождаться мысли, определения, суды, планы, пожелания, страхи, похоти; непрестанно изнутри будет точиться то то, то другое. Касательно всего этого один закон: все открывать своему наставнику: и доброе, и худое. Этим будет очищаться всегда внутреннее. Наставник будет иметь основание, как судить о состоянии ученика; не будет траты времени; всевозможные уклонения мысленные и сердечные устранятся; под руководством наставника будет приобретаться опытность в разбирании помыслов сначала своих, а далее и всех других. Потому-то святые отцы сему откровению приписывают необычайную силу в деле спасения, даже хотя бы оно было и не пред отцом-руководителем. При нем можно избежать всякой опасности заблудиться или пасть, встречая предостерегательный совет. Василий Великий так заповедует: «Всякий из подчиненных, если хочет показать достохвальное преспеяние и стяжать навык жить неуклонно по заповедям Господа нашего Иисуса Христа, не должен ни единого душевного движения у себя хранить тайне, но должен обнажать тайности сердечные пред теми, коим вверено благоутробно и милостиво пещись о немощных братиях. Таким способом что достохвально, то утверждается, а что непохвально, то подобающего врачевания удостоивается; и чрез такой подвиг мало-помалу будем мы возрастать в совершенстве жизни» (Простр. прав. 26). При этом не должно устранять себя, как учит тот же святой отец, от открывания помыслов и совещания тем, что совесть покойна, не зазрит. «И в телесных болезнях, — говорит он, — бывает, что немощные не чувствуют их, но верят наблюдению врача более, нежели своему нечувствию: так и в душевных. Скажешь другому, и он определит — здоров ли ты или немощен, и какая у тебя немощь. Так поступали Апостолы. Когда Господь сказал: «един от вас предаст Меня», тогда все, один по другом, спрашивали: «не я ли?» ([Мф. 26:21—22](#), [Мк. 14:18—19](#))» (Крат. прав. 301). Святой Варсонофий говорит: «никто да не скрывает помыслов. Кто скрывает помыслы, о том злые духи радуются, видя возможность погубить душу его» (Отв. 583). «Скрывающий помыслы пребывает неисцелен; ибо они исцеляются только частым вопрошением о них отцев духовных» (Отв.317). «Не скрывающий никакого змея в недре своем действительную показывает веру; а скрывающий еще вне пути спасения своего блуждает», — говорит святой Лествичник (сл. 4, п. 46). Такое правило

открывать все великий налагает страх на душу не только сделать, но и сказать что-либо и помыслить худое, напоминая имеющий быть суд от отца-наставника, — налагает страх и на бесов, ибо при сем никоим образом нельзя им укрыть своих козней (Там же. п. 53). Потому-то и стараются они отклонить от сего и, опасаясь обличения, бегут от того, кто во всем открывается, ненавидят и терпеть не могут самого даже гласа откровенности, как учит святой Дорофей (сл. 5-е). А какое облегчение душе от этого! Три года один томился под тяжестью неоткровенности (Пролог Мая 6), и потом, когда одолел себя, тогда вышло из него мрачное облако — знак, что неоткровенность есть дело сатанинское. Иначе, как будет пользоваться нас отец, когда не знает, что в нас; а общие наставления можно найти и в книгах. Потому-то святой Лествичник учит, что как с первого раза должно открыть все своему отцу, всю жизнь рассказать, так и во все последующее время — не отрицаться духовнику, споспешнику своего спасения, исповедоваться со смирением, яко Богу (сл. 4, п. 10, 63, 66). «В одном монастыре, — пишет еще святой Лествичник, — увидел я у гостиника на поясе книжицу малую и, спросивши для чего она, узнал, что он в ней записывал все то, что чрез весь день помышлял и все оные помыслы пересказывал своему пастырю. И не только его, но и других многих той обители иноков я видел так поступающими. Был же сей устав учрежден великим отцом той обители, как я после слышал» (Там же, п. 39). «Добрый домостроитель каждый вечер исправно считает дневную прибыль или расход. Но как он узнает это, если не будет ежечасно записывать всего в счетную книгу?» (Там же, п. 115).

в) Но главнейшее дело ученика — есть искреннее, неразмышляющее, от веры и чистого сердца беспрекословное повиновение учителю своему и отцу во всем до малейшей йоты. Ученик должен быть как бы автоматом, без своей души, которая у него заменяется душой отца. Ученичество, по святому Лествичнику, «есть совершенное души своя отвержение, посредством телесных действий во всей точности показываемое, умерщвление телесных членов в живом уме, неискусненное движение, отвержение своего рассуждения, хотя бы и богат кто был оным, гроб воли. Ученик — блаженный и живой мертвец» (сл. 4, п. 3, 4). Повиноваться должно в простоте, без размышления и разбирания, хорошо ли поведенное или худо, трудно или легко, — постоянно, терпеливо, неуклонно, без всякого лукавства и сомнения помышлений (Там же, п. 5, 9). Держать себя должно в таком настроении, чтоб, что бы ни делалось, делалось не потому, что сам придумал или восхотел, а потому, что так приказано. Нужно что, спроси и сделай; не велят, хоть и с трудом, а терпи. И если не имеешь приказаний и дела, — лучше сиди, но не делай сам, по-своему. Все от себя и по-своему есть разорение духа, — то же, что прием яда. Предался отцу, — и пусть уже творит он из тебя и в тебе, что знает. Иначе выйдет: один созидай, а другой разоряй. Последний творит тщетным и свой труд, и труд другого, и дело спасения превращается в празднотельство. «Кто однажды повинется, а в другой раз исполнит свою волю, — говорит Лествичник, — тот походит на того, кто в глаз пускает в одно время лекарство, а в другое — известь» (Там же, п. 60). Поищи послушания, исполни волю другого и будь беспечален. «Блажен, кто волю свою до конца умертвил, и все о себе попечение поручил своему по Бозе наставнику: таковой станет одесную Распятого Спасителя» (Там же, п. 44). Из трех подвигов: поста, чистоты и послушания, — первый доводит до половины пути к Богу, второй приводит ко входу, а последний поставляет пред самое лицо Господа (Лествич. сл. 4, п. 108). Какой покой и мир у него на душе! Нисколько не смущается он, хорошо ли то, что делает, что скажут другие, к чему оно послужит, угодно ли Богу? Даже тогда, как из двух послушников волю наставника будто несообразную один без раздумывания исполняет, а другой нет, по своему усмотрению, — первый получает пользу, а последний вредит себе (из Пролога).

Потому общее правило всех святых: кто сам по себе живет, тот бесплодно живет. Пусть он и хорошо делает, но совесть и в таком случае не может быть у него мирна. У него должна быть

постоянная нерешительность, смутность; а главное — настроение своеволия остается то же. Все с советом твори. Без совета, как без ограды. Если же это небезопасно, то что сказать о прямой непокоривости и прекословии! Это уже прямое бесовство. Есть еще надежда исправления, если кто прекословит равному или низшему: но кто идет против наставника, о том и говорить нечего. Отбившийся от послушания предается своей воле; а от своей воли — и злобе врагов: и погибает. Слушающийся же во всем скоро достигает меры детства или совершеннейшей простоты, как это изображает святой Лествичник (Там же, п. 121). Решительным послушанием одни всю внутреннюю со страстями брань вовеки разрушили; другие приобрели к обидам совершенную нечувствительность и безболезненность; иные достигли высочайшей степени незлобия и непринужденного простосердечия, — явились младенцами, ничего хитрого не имеющими, как в речах, так и в поступках (Там же, п. 20, 21). Пример сему — Павел препростый. Василий Великий послушание такое считает первейшею добродетелию (Подвиж. прав, гл. 19, 22). Он учит ему примером обучающихся какому-нибудь искусству, кои до мала, во всей точности исполняют указываемое, — выставляет в пример молчаливую покорность Авраама, когда повелено было ему выйти из Халдеи, и после принести в жертву сына, — от противного, пример Апостола Петра, который, после великой похвалы, за одно прекословие, будто и благожелательное, услышал: «Иди за Мною, сатана!» ([Мф. 16:22—23](#), [Мк. 8:32—33](#)). К этому именно предмету относит он и места Писания: «повинуйтесь наставникам» ([Евр. 13:17](#)), «слушая вас, Мене слушает» ([Лк. 10:16](#)).

Вся же совокупность законных отношений к своему отцу состоит в том, чтоб не иметь своей воли, своего разума, своего вкуса: все у него должно быть отцово, по его указанию, им измороно и установлено до малейшего движения. Состояние же человека, действующего по сему правилу, то есть под руководством, под начальством, не по-своему, есть состояние послушничества, великими похвалами превознесенное у святого Лествичника, и у всех вообще святых отцев.

Путь послушничества, или совершенного отречения от своего ума и воли, и всякого управления собою, чрез предание себя надежному и Богом данному руководителю — отцу, есть путь краткий и непродолжительный, как называется он у святого Лествичника (сл. 4, п. 5). Вступившие на него в истинном духе скоро востекают на совершенство и безопасно минуют все уклонения, блуждания и задержки. И это как по настроению самого ученика, так и по действию на него отца.

Ученик ничего не имеет своего. Подобно Апостолам, сказавшим Божественному своему Учителю: «се... оставихом вся» ([Мф. 19:27](#)), — и он говорит и чувствует: «Я не свой, потому что ни мысли, ни желанья, ни слова, ни дела не должно быть у меня своего. Хотя бы и хорошо что было, но для меня уже оно нехорошо, коль скоро я творю то по своему хотению и разумению». Таким расположением и действованием он бьет непрестанно в самую главу гнездящегося в сердце нашем змия — самость, главное свойство которой — все делать по-своему и в свою угоду. А поскольку на самости держатся все страсти, то, по мере погашения самости, стихают и страсти; душа светлеет, близится к чистоте и бесстрастию. Тем, что не дается исхода из сердца ничему самоделаемому и самоначинаемому, замаривается всякая самостная деятельность; тем, что все незаконнорожденное открывается, она истощается, лишаясь пищи, чрез извержение ее порождений тем, что делается все не по-своему, она уязвляется в самое сердце. Не делать по-своему даже и в таком случае спасительно, если кто, не имея отца, поверяет себя другому, даже не мудрому, с той только целью, чтоб жить в отречении от своего разума и воли. И успех бывает высокий и быстрый. Акакий, у святого Лествичника, жил у своенравнейшего старца и терпел побои и напраслины; но ради терпения и послушания приял венец мученика, как было то открыто свыше (сл. 4, л. 110). И Иоанн Савваит советует одному из трех пришедших к нему:

«Избери себе наставника, строже и суровее которого не было бы в роде человеческом» (Там же, л. 211). Видно, что чем круче отречение от себя, от своей воли и своих чувств, тем спасительнее. Потому-то так была вожденна святым жизнь под чужою волею. Они скорбят, смущаются, когда остаются на своей воле, ибо ощущают, что вступили в путь безвестный. Так прекращается и заграждается исток самостного и греховного извнутри. Но этим же отражается приток всякого возбуждения их и совне. Что ни навеял бы мир или сатана, — на все то не дается никакого согласия, не слагается с тем ни ум, ни сердце, а, напротив, откровением передается отцу, и тем извергается и осрамляется. Мысль затаенная есть мысль прелюбодейная; а истинный послушник не прелюбодействует сим образом. Он мертв, превратился в ничто, не надеется ни на себя, ни на дела свои, и чрез это соделяется пространым вместилищем и готовым приятелищем благодати.

Это благо ученичества со стороны настроения ученического духа. Оно вознаграждено и без мудрого, опытного отца: но что далее доставляет отец опытный своим действием на дух ученика или содействием ему и истинным руководством, того ничем не заменишь. Как зрящий, он сразу видит все состояние ученика, его настроение, главную боль; и как опытный знает, что и как употребить к уврачеванию его. Болезнь всякая, точно узнанная и верно врачуемая целительным против нее лекарством, скоро уступает. Святой Варсонофий заметил у своего ученика Иоанна гневливость, раздражительность и начал действовать прямо против нее и словом, и делом (Отв. 10). Исидору, лицу княжеского достоинства, пылкому, свирепому и жестокому, отец, коему он предал себя, велел стоять у врат и просить всякого: «молись о мне, я одержим злым духом», — и он скоро достиг глубочайшего смирения и сокрушения (Леств. сл. 4, п. 23). Сам человек часто и видеть не может своей немощи, и гибнет в самодовольстве. Потому-то мудро, если он придет к зрящему и скажет: «Посмотри, что во мне?» Зрящий начнет действовать и изгоняет из него его немощь. Так святой Варсонофий одного безмолвника, утопавшего в самообольщении, довел до сознания, что он стоит в кичении и самомнении, и привел к покаянию, без чего он и умер бы в своей мысли погибельной (Отв. 68 и др.). Только просвещенный и зрящий отец и откроет, что в нас, — только он и поведет и приведет к уврачеванию, потому что действует безошибочно.

Действующий во спасение идет вперед к совершенству; но не все всем полезно: что одному споспешествует, то другому вредно, или, по крайней мере, может остановить его, как длинное платье мешает на ходу. Кто же скажет: это сделай, а к этому не прикасайся, объяснив при сем, как это истинно и спасительно для нас? Ум опытный, зрящий весь строй нашего образования в духе, от первого его зарождения до совершенства, и видящий, что идет к нему и что пойдет. Все это может только истинный отец, и только он один. Сам же человек чего не надумает, на что не бывает готов решиться! Мало ли есть такого, что благовидно только, а не спасительно! Без предостережения и указания он может измучиться, истратить силы без пользы или наделать ненужных наростов, кои как болячки будут безобразить его внутреннего человека.

Хорошо ли углубляться в Писание и исследовать его тайны? Хорошо, — особенно, когда есть к тому способность, приготовление, жажда. Между тем святому Дамаскину было воспрещено что-либо писать и умствовать. Досифей терпит наказания и укор за вопросы о разных местах Писания. После оказалось, что это и тому и другому было спасительно. Кто довольно умиротворил страсти, тому хорошо споспешит на безмолвие, чтоб быть с Богом: но иногда и часом упрежденное дело ведет не к добру. Святой Варсонофий не одному говорил: «потерпи еще... скажу... и будет хорошо»; так и было. Воду кипятят, но для одного дела раз, а для другого — дважды и более, — так и здесь. Иногда вещь безразличная много может сделать помехи. Вообще, ровность образования, спешность шествия к совершенству без уклонений, блужданий и всяких остановок принадлежит исключительно жизни под руководством отца, и,

притом, зрящего. Без того путаница, застои, наросты неизбежны.

Наконец, бывает, что и ревностные вначале стихают, слабеют и делаются вялыми и безжизненными, а нередко и падают. Отчего? От недостатка упражнения, опытов трудничества или движения живущего внутри духа. Когда сам себе назначит человек правила делания, то пока труд навыковения занимает его, — он говорит духом; но потом, — когда совсем с ним освоится, то и потому, что это дело обделано, и потому, что дух возросший требует больших дел, все прежнее уже не возбуждает его: он легко, без напряжения совершает то, как дело обычное. Кто же будет доставлять ему дело для упражнения сил? Кто подложит как бы дрова под огонь ревности? Надобно, чтоб был изобретатель дел и притом опытный; а то и камень можно подложить вместо древа. Так и бывает: отец-руководитель постоянно содержит ученика в некотором трении под занятиями все более и более трудными, и тем хранит дух. Так у Лествичника, один настоятель разные употреблял для сего способы: одного вызвал из-за стола и приказывал ему стоять без обеда; другого высылал из церкви; третьему, когда он поклонялся, повелевал лежать на земле, пока прочитает все правило и прочее. И потом, когда Лествичник спрашивал его: для чего он так делает? «Затем, — отвечал настоятель, — чтоб доставить им венец и подать другим пример, но более для того, чтоб не ослабел дух». Но можно подумать, что это несправедливо и может повредить. «Нет, — заметил настоятель, — кто соединен любовью с моим духом, того ничто не разлучит» (сл. 4, п. 23 и др.). То есть, вся плодовитость такого делания обуславливается первоначальным заветом и союзом сердечным.

Но особенно нужна содействия отца оказывается на переход от деятельной жизни к созерцательной. Дух зреет, и когда истинно очистятся страсти, он естественно парит выпреть. В сем-то парении без руководителя он большею частью попадает в злобные руки врагов воздушных, попадает в прелесть и или погибает, или застаивается на ней. Потому-то всеми отцами решительно заповедуется не прикасаться к сему сокровищу без опытного отца, такого, кто знает и сам прошел путь к нему. Тут уж один опыт — указатель. И понять нельзя, что там есть, хоть и написано понятными словами. Самочинный делатель бьется без плода, а нередко и на пагубу себе. Под руководством же с верою скоро понимает, входит во внутреннее святилище и зрит духом.

Вот выгоды жизни под опытным руководством, ничем не вознаградимые! Правда, Господь милосерд: «ищущего и уповающего... милость Его обыдет» ([Пс. 31:10](#)). Но и Он оставляет нас более обыкновенному пути. Сам человек всегда путает. И что мог бы сделать в день, то делает год, делает и переделывает. Может быть и так делает, но поскольку не уверен в том, то начинает — снова переделывает. И время, и труды тратятся. Но что особенно, — редкий избежит самомнения без послушничества. «Послушник, — говорит Лествичник, — не видит своих дел, потому что не сам, не по себе их делает, а хотя бы чудодействовал, все то относит к отцу своему и его молитвам; напротив, кто один, тот неизбежно стоит в той мысли, что сам собою делает дела добрые, и падает в сомнение» (сл. 4, п. 54). Некто Евфимий, пришедший к Варсонофию после долгого безмолвия, показал это опытом. Сколько трудов нужно было, чтоб привести его к сознанию, что он в самоправедности! И дал Бог, что, наконец, и он сказал: «окаянен аз» ([Рим. 7:24](#)) (Отв. 160 и др.). Напротив, какой умиленный характер образуется у живущего под руководством! Сначала образуется у него смирение, от смирения — бесстрастие, тишина духа и свет Божий; далее — простота, незлобие, детство; это и есть «мера возраста... Христова» ([Еф. 4:13](#)), как изображает святой Лествичник.

Таково руководство в существе своем, такого требует оно руководителя, к таким условиям обязывает руководимого и такие обещает великие плоды. Все это составляет отличительные принадлежности руководства и непременно есть и должно быть везде, где только есть и устраивается истинное руководство. Будучи таким образом единично само в себе, оно является в

действительной жизни не в одном виде. Первый, обширнейший и общегоднейший и повсеместнейший, есть пастырство церковное; второй — настоятельство монастырское, и третий — отчество, или старчество.

Что пастырство именно такого есть свойства, это видно из того, что пастырю вручается или вручает себя паства для пасения, то есть воспитания; она слушает гласа пастыря, идет вслед его и бывает только там, где он укажет. Пастырь душу свою полагает за овцы; он есть страж, которому говорится: «души их от руки твоя взыщу» ([Иез. 33:6](#)). Взаимный союз и отношение между пастырем и пасомыми выражает Апостол в следующем месте: «повинуйтесь наставником вашим... тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще» ([Евр. 13:17](#)). Видимо из этого отдавание себя пастырю пасомыми и ответственность пастыря за души их. В других местах паства изображается нивою, молчаливо предлежащею пред возделывателем, а пастырь — делателем ([1 Кор. 3:9](#)). Отсюда и заповедь: «настой благовремение и безвременне» ([2 Тим. 4:2](#)).

Так было вначале, так есть и должно быть доселе. Господь Иисус Христос воспитывает двенадцать Апостолов; Апостолы, по сошествии Святого Духа, образуют Церковь, в коей сердце и душа едина, под их руководством и распоряжениями. И потом, по рассеянии по лицу земли на проповедь, где ни посеявали они семена веры, везде оставляли наставников и руководителей — пастырей, и обязывали верных к решительному им повиновению, а на них самих налагали ответственность за души их. В такой именно силе выяснено пастырство в посланиях Апостольских; в той же осталось оно понимаемым в Церкви. Поэтому, в послании к Ефесянам, святой Игнатий Богоносец увещевал пребывать в подчинении епископу и пресвитеру для освящения, для того, чтобы, подобно струнам стройно настроенным, стройно петь. Его Домовладыка посылает для управления домом Своим; смотрите на него, как на Господа. Так это делалось и после. Епископ и пресвитеры — не немые свидетели спасения других и не голословные только проповедники пути спасенного, а действователи, возделывающие пасомых, как ниву. Для того-то, впоследствии, общим судом Церкви усвоены им известные права, с целью иметь в руках возможность спасать других, как бы от огня восхищающе. Что настоятельство монастырское есть такого же свойства, видно само собою. В этом состоит существенное строение монастырского образа жизни и богоугождения. Вступающий в братство с тем условием и принимается, что не будет иметь воли своей и своего разума, а будет жить в беспрекословном повиновении и под руководством отца-настоятеля. Приходя в монастырь, говорят: спасти хочу душу. Настоятель есть также лицо, могущее управлять во спасение; с этим условием он и избирается братиею, с этим они и предаются ему.

Старчество состоит в том, когда не настоятелю, а другому опытнейшему в обители, или вне оной, предают себя ищущие спасения. Большею частию на деле заменяют его ныне духовники, а в иных обителях — старцы, коим благословлено открывать помыслы и на коих разделена бывает вся обитель. Завет друг с другом тут невидимый, совестный, но, тем не менее, сильный и плодоносный. У пустынников и отшельников это — единственный способ руководства, как видим из истории. К нему идет все то, что пишется в отечниках о послушании. Сила его действия, между прочим, зависит оттого, что, не будучи гласно и официально, оно вызывает на большую откровенность и искренность. Поэтому ныне, если есть руководство, то оно проявляется именно в этом виде.

Теперь вопрос — где и как найти руководителя — решается сам собою. Возьми того, кого Бог послал, и ему вверься, как учит святой Игнатий Богоносец. Показанные виды руководства обнимают все христианское жительство. Следовательно, кто бы ни был пробудившийся, он всегда имеет уже над собою руководителя. Кто пробудился в гражданской и общественной жизни, тот пусть следует руководству пастыря; кто в монастыре, пусть вверится настоятелю,

или тому, кого он укажет. «В немже кто звании призван есть, в том да пребывает» ([1 Кор. 7:20](#)) и пользуется предлагаемым руководством, не перебегая своевольно из одного места и стада в другое, с кичением, презорством, тем более не оставляя себе, самонадеянно, своеобразного пути к совершенству. Это очень опасно, и есть одно из кознодейств сатаны, что, покайся, человек, в чувстве нужды руководителя, хочет бежать от своего законного, не разобравши, не осмотревшись, не исследовавши. Пребывая в грехе, он не думал о спасении; так же судил и о всех, ставил себе в уровень. Теперь, покайся и обратившись к Богу один, как ему кажется, думает, что другие все остались там, где он был прежде, то есть во мраке, в грехе, а сам он возник, приподнялся, вступил в свет Божий. Тогда как на самом деле он, может быть, впервые вступил на то попрание, на котором другие уже давно действуют и стяжали искусство, хотя внешне вращались в обыкновенной жизни, с ним наряду. Тут очевидна уловка сатаны — оставить его без руководства, одному самому себе, следствием чего уж неизбежно падение и прелесть, или переход с места на место, что расстраивает только, а не созидает. После сего покающемся или восприявшему ревность о спасении души своей остается только возобновить союз, или завет с отцом, который дается от Бога, для устройства жизни в лице пастыря, или настоятеля, или духовника. Прежде он не думал об этом и, однако ж, был под ним, но внешне, по заведенному порядку; теперь пусть восстановит веру в истинное его значение и по вере сердечно соединяется с ним, то есть пусть придет и скажет: «Спаси, вверяюсь, буду обращаться со всякою нуждою, со всяким смущением», — и уж потом и поступать так. Со стороны же тех лиц обязательство всегда состоит неизменным; из них никто не может и не должен отказываться от этого. Не должен ссылаться и на невозможность: стоишь на такой чреде, потому как хочешь, а выдерживай свое назначение. И пред Церковью, и пред судом Божиим, и пред судом людским это его дело. Он ответчик за всякую душу, тем более за ту, которая готова предаться ему и предается. При этом только может сказаться истинно и то, оставаться ли навсегда при таком отце. Неспособность руководить сейчас откроется, и добросовестный священник или духовник тотчас сознается: «Не могу брать этого на себя». После сего, хоть и будет перемена, но она будет сделана законно, и главное, — с совета. Немогущий может указать могущего, и дело это устроится по Божиему, а не своевольно, не наобум.

Так бы должно. Но, между тем, не подлежит никакому сомнению, что очень часто те лица носят только имена своего звания, а не и силу его; часто пастырь — «тать есть... прелазяй инуде» ([Ин. 10:1](#)) или волк в овечьей одежде; часто настоятель — простой корабельник вместо кормчего, и старец — старец только по сединам. И это бывает, или очевидно для всех, или очень невидно, глубоко скрыто под благовидною наружностью. Потому всегда есть опасность попасть вместо истинного руководителя на ложного и потерпеть потом вместо пользы — вред, вместо спасения — гибель. Неискусный кормчий губит корабль. «Много потерпел я, — говорил Петр Дамаскин, — вреда от тех, к кому прибегал». «Многие из старцев, — говорит Кассиан, — вместо окормления, в отчаяние ввергали обращающихся к ним», — и приводит на то примеры. Такие жалобы во всякое время можно слышать и встречать. Одно слово: «живи, как живешь», или: «что много затевать», — сильно погасит все усердие, следовательно, опять врнут бедного, лишь опомнившегося, в то же. Спрашивается: как же поступить в таком случае человеку, который сознает нужду в руководстве и опасность крайнюю оставаться без него, знает также обязанность обращаться именно к тому и тому, а между тем не без основания может страшиться не потерпеть бы вреда, не быть бы столкнута опять в пропасть прежнюю?

С другой стороны, нередко, — а то и часто, — и те, кои стоят на чреде руководителей, вполне сознают свое значение, всю силу обязательства и великость лежащей на них ответственности, имеют усердие, горят ревностью быть тем, чем должны быть, а между тем, по своему духовному возрасту, видят, что еще далеко отстоят от того, чтобы могли безошибочно,

как надлежит, руководить других. По неопытности же и безвестности пути, коим должны вести других, справедливо могут опасаться, не сгубить бы других из ревности к их спасению, и, вместо управления, не ввести их в заблуждение. Спрашивается: как поступить ему в таком случае? Как руководить, сознавая себя неспособным к тому, недостигшим в ту меру?

Очевидно, что тот и другой вопрос прямо касается настоящего порядка вещей. Без руководства нельзя. Но, в истинном виде, оно очень возвышенно и оскудевает в настоящее время. Спрашивается: как быть именно нам? Куда обратиться, — и ищущему руководства, и нареченному быть руководителем?

Что касается до первого вопроса, то в отношении к нему можно приложить мудрое правило святых отец: все делать с пожданием, в богопреданности. Не должно уклоняться, как прежде видели, от нареченных руководителей; но можно не вдаваться им всецело, тотчас, а ждать особенного в этом случае устроения Божия, особенного манования, сердечного склонения, состоя, между тем, в преданности в волю Божию, в молитвенном, болезненном взывании к Нему, чтобы Он Сам указал нам путь. Итак, опасаясь прельщения, взывай с болезнью к Богу, да скажет Он путь, в оныже пойдеши, всецело предаваясь, в крепком уповании, Его промыслительному попечению — и Господь никогда не оставит. Священник или настоятель иногда ни для кого не полезен, а для иного единственно он и полезен. Сам изменяется при нем, откуда мудрость берется — и устрояется спасение от Господа и там, где не чается. Вся сила здесь в решительной преданности в волю Бога, всем хотящего спастися. Святой Дорофей решает этот вопрос именно таким образом. «Если, — говорит, — кто не имеет человека, у которого бы спросить мог совета, то что в таком случае делать? Если кто истинно, всем сердцем възьщел воли Божией, то Бог никогда не оставит его, но всяким образом будет руководить его по воле Своей. Если же кто не будет искренно искать воли Божией, то хотя бы он пошел и к Пророку, — и самому Пророку внушит Бог отвечать ему по желанию развращенного его сердца, как говорит Писание: «и пророк аще прельстится... речет слово, аз Господь прельстих пророка того» ([Иез. 14:9](#))» (сл. 4, п.6). Так говорит и Лествичник. Но и тогда, когда ясно видишь, что нареченный не полезен тебе, не решает сомнений, не дает совета, вообще не созидает по неопытности или по невниманию — не спеши оставлять его или переменять. Ибо на кого переменишь? Около тебя все так же безвестны, как и этот, а этого Бог дал. Он Богом тебе указан, ибо все наше от Бога; а другой — что нам! Но как же быть тут? Нужда. Чувствуй ее, боли, сильно вопи к Богу, прося Его не оставить в опасности и не предать прелести: «или сего настави, или укажи иного», а сам все будь под ним, с пожданием, терпением, вопиянием. Что же делать под ним? Ведь надо же действовать во спасение? Надо. Но порядок благочестной жизни известен; ходи в нем, и будь покоен. Этого на первый раз предостаточно. У покаявшегося все покрыто мраком безвестности, неопределенности. Пусть не выдвигается из своего, Промыслом устроенного, порядка. Это смиреннее, безопаснее, прочнее. Кто во мраке, тот лучше делает, оставаясь на одном месте, нежели перебегая с места на место, ибо, может статься, что в яму упадет. Предпринимать что-нибудь особенное, отличное, великое очень опасно: оставайся смиренно в простоте. Начнешь с самого начала переменять, — уж и не остановишься. В мыслях можно, положим, прилепиться к другому, но опять к тому, кого Бог пошлет; можно даже искать его деятельно, особенно молитвенно, да укажет Сам Господь, но все же ждать и терпеть, пока придет указание решительное. Богом дан: не противься, не суди, не пренебрегай. От Бога жди иного. Не оставит Господь, а даст, если нужно.

Это должно принять законом в избежание самочиния, невнимания к Промыслу Божию, опасности быть запутанным от врага. Но вот еще что: время от времени мрак начнет редеть, более и более разоблачаться строй жизни, яснеть видение опасений и уклонений, множатся потребности, недоумения, сомнения. Все это — требует разъяснения, вразумлений, умирения

духа. Нареченный наставник не решает, не внушает доверия, не располагает к откровенности. Что же делать в таком случае?

Некоторые советуют, оставаясь под данным руководителем относительно общего порядка, — в частных, собственно нас касающихся случаях, все делать с рассуждением, — рассуждение определит, что полезно и что вредно, — и приводят на это слова Апостола: «вся... искушающе, добрая держите» ([1 Сол. 5:21](#)), и особенно общее мнение всех святых отцов, что высшая из всех добродетелей есть добродетель рассуждения. Но это мнение святых отцов не должно брать без ограничений, какие они же полагают. Притом святые отцы утверждают, что рассуждение есть дар, стяжаваемый долгим трудом, смиренномудрием и прилежным молением. Кто приобрел дар сей, — храни его и употребляй во благо свое и других. Кто же не приял, да не дерзает ни в каком случае составлять своего разумения, или слова, или дела. Его дело вопрошать искусных и опытных. В отношении к начавшему должно положить такое правило: все твори с рассуждением; но все твое рассуждение должно состоять в одном правиле: ничего не творить по своему рассуждению, а обо всем спрашивать: хорошо ли то, и идет ли то, и идет ли к тебе; ибо не все всем хорошо, но, как указывает Петр Дамаскин, время, начало, состояние, возраст, сила, здравие, воспитание и прочее делают многое в этом различие. Почему знать, что ты все это решишь как должно, незаблудно? Рассуждение должно поставить целью, нужно искать его, а для того и опытно упражняться в нем, но не самим собою, а по тому, как рассуждают другие, надо обучаться рассуждению. Итак, рассуждение хорошо и велико, упражняйся в нем, но никогда ему не доверяй, пока опытом и советами других не укрепишься в нем.

Другие говорят: внимай Божественному Писанию и учению отеческому, и всему научись. Нет сомнения, что и чтение поставляется между первейшими средствами образования христианского духа, и столько же нужно, сколько для тела глаз, для мира свет. Святой Нил Сорский учит: «Ныне один указатель — Писание Божественное и отеческое». Паисий старец так же учил и действовал (Жизнь его, стр. 39, 287). И точно: оскудели зрители пути спасенного, но, по смотрению Божию, оставили нам описания этого пути. Придерживайся их. Движимые Духом Святым, они написали законы окормления и на путь спасения руководство. «Если не можно найти наставника, — говорит старец Серафим, — могущего руководить к умозрительной жизни, то в таком случае должно руководствоваться Святым Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Святого Писания, глаголя: испытайте...» Должно также тщательно прочитывать отеческие писания и стараться, сколько можно, по силе исполнять то, чему научают они, и, таким образом, мало-помалу восходить к совершенству. Но опять: что, кому и как читать? И потом: что из прочитанного и узнанного взять себе в правило и чего не брать? Кто скажет неискусному и неопытному? Правило само по себе хорошо, но не для меня; будет оно идти ко мне, но не теперь. Сколько гибнущих именно оттого, что они все вычитываемое хотят взять на себя! Есть, говорят, люди такого сложения, что, о какой бы болезни ни услышали, тотчас переводят ее на себя и начинают болеть. То же может быть и с чтением, которое не управляется советом. Итак, читай, вникай, исследуй, обогащайся духовною мудростию, но что именно исполнить самому, что поставить себе в правило, это решай не сам собою; иначе, все твори с совета, а не по своему разумению. Вычитал, — поди, спроси как оно есть, идет ли к тебе и как можешь ты исполнить то?

Но спрашивается: кого же спросить? Нареченный молчит, потерял доверие, — боишься открыться ему. Оставаться в нерешительности — опасно: это застой, пустое медление. Что же делать? Тут одно: все твори с совета, с пожданием. Никогда, ни на что не решайся вдруг, — сам ли рассудил что или вычитал; но жди, пока установится, а между тем ищи совета и решения. Во всякое время и во всяком месте можно найти людей, упражняющихся в благочестии, ревнующих, ищущих Господа и всегда более или менее опытных. Надлежит войти с ними в

сношение братское и соображение сердечное, и потом всякое недоумение и сомнение поверять им. Один, другой, третий, как-нибудь разберут, поодиночке, или все вместе, — и решат. Как решат, так и поступи, и ты поступишь не по своей воле и разуму. Все сделанное в предании себя Богу не по своему разумению есть богоугодно и спасительно. Потому, когда нареченный не решает, а другого, кому предаться, не указал еще Господь, мудрые люди советуют поступать так: если есть что сомнительное и не имеем, кто бы решил, воззови к Богу о нужде своей и иди к тому или другому, благоговейному и уважаемому, и будь уверен, что Бог, все блюдущий и все содержащий, не оставит тебя без истинного решения, не пустит в прелесть, только бы была болезненна нужда и крепко упование.

Это касается частных случаев, но и вообще можно оставаться при этом законе, ибо и вся наша жизнь сложена из частных случаев. И составитя таким образом особенная жизнь, по совету. Это новый, преимущественно приличный настоящему времени, образ руководства. Человек, в предании себя Богу, вразумляется Писанием Божественным и отеческим, употребляет и свое рассуждение, но ничего не решает сам, а творит все с совета и вопрошения. Здесь руководитель — Бог и Писание, отречение воли и разума в совете, сила же исходная — Богопреданность, с болезненным, опасливым взыванием об избавлении от прелести, заблуждения и ошибок.

Такая жизнь бесхитростна и смиренна; а для смиренных Господь открывает тайны, и уповающего не постыждает. «Младенца научит сказать, что тебе нужно, — говорит святой Дорофей, — а если не веришь, то и Пророк не упользует». Когда, напротив, кто спрашивает и наперед уже желает и чаёт определенного решения, то это уже прелестное правило действия. В таком случае лучше не вопрошать. Когда же спрашиваешь, пусть весы сердца стоят ровно, не склоняясь ни на десно, ни на шуе, — и Господь управит. Безвестен путь истинно-христианской жизни и нельзя идти по нему с собственным усмотрением.

Сокровенно водительство Божие: иди, как во мраке, только руки своей не отрывай от руки Божией. Из жития старца Паисия видно, что он образовался именно этим путем. Он встречал множество советников и по советам всех слагал себя, и хотя не имел одного окормителя, чем нанес себе, как сам сознается, большой вред, но образовался в одном духе и созрел в мужа совершенно. Исходным его началом, во всю жизнь, было болезненное припадание к Богу. Оно и наставляло его и единило дух его при всем разнообразии. Наученный опытами целой жизни, он, наконец, вот до какого дошел закона и начала руководства. Выяснив всю нужду в руководителе, изобразив, каков он должен быть, с плачем помянув, что ныне негде обрести такого, он выводит: «Отсюда убо крайняя нам, брате, ныне нужда Божественным и отеческим Писанием со мною печалию и со многими слезами день и ночь поучатися, и с тождемыслящими ревнители, старейшими отцы советующесея, наставлятися на заповеди Божии, и на делания святых отец наших. И тако, милостию Христовою и понуждением нашим, можем спасение получитьи» (стр. 40). Так советуют все отцы; так советовал и делал святой Нил Сорский. «Прежде духовные отцы всех наставляли; в нынешние же притрудные времена, еже многому плачу и рыданию достойно, до зела таким оскудевшим ревнителем. Сам Бог и Божественное учение преподобных отец есть учитель и наставник» (стр. 286). Так вот какой ныне лучший, благонадежнейший способ руководства, или воспитания в жизни христианской! Жизнь в преданности в волю Божию, по Божественным и отеческим Писаниям, с совета и вопрошения единомысленных. По милости Божией, она может и должна быть благоуспешна, ибо содержит все условия усовершенствования, отсечения своей воли и разума. Но, очевидно, что она далеко стоит ниже личного, деятельного руководства и воспитания. В нем нет всезрящего, а только как бы гадающие, нет решительно действующего, а движущиеся сробостию. Нельзя так решительно и скоро врачеваться и совершаться, так и

успешно поддерживать дух ревности, так безопасно входить в созерцание. Оттого так мало ныне успевающих и совершенных. Правда, они суть Божии: но кого Бог совершит, того не станет держать под спудом. То только надобно прибавить, что способ этот является гораздо плодovitейшим, если кто стяжет одного советника и, соединясь сердечно, будет жить с ним во взаимно-откровении и вразумлении, или духовном дружестве. Один другого видит и знает, и, таким образом, скорее и благонадежнее может советовать. Писание в богопреданности — свет для них. Умудряясь взаимно, они взаимно и руководят друг друга в предании себя Богу и Господу, Который обещался быть посреди двоих, собранных во имя Его ([Мф. 18:20](#)). При этом, однако ж, должно не отделяться от нареченного Богом, но всякое взаимное решение и определение хорошо, если можно поверять ему, и с его разрешения исполнять. Взаимный любовный союз даст крепость, а прибегание к духовному отцу — Божие благословение. Такого рода совещание, или взаимно-руководение, — опять-таки если подается, ибо Бог дает друга, очень плодно. Припомните двух монахов, живших во времена Макария Великого, во взаимном союзе и взаимном руководствовании и укреплении, — до какой они достигли меры совершенства! Старец Паисий рассказывает о себе, что он, с самого начала прилежно искав окормителя с болезненною молитвою к Богу, скитался там и сям: и у нас, и в Молдавии, и Валахии, и на Афоне — все не находил. Нашел только, говорит, обратившись к чтению писаний отеческих, что очень много я потерял оттого, что сначала жил без деятельного руководства. Чем же он кончил? «Не обретши, — говорит, — где бы повинутися, умыслих царским путем житие свое проходить, с единым единокорным и единомысленным братом, вместо отца; Бога имети себе наставника, и учение святых отец, и повинутися друг другу и послужити» (стр. 289), не отделяясь, однако ж, от своего духовного отца, как он в другом месте говорит. «Такой путь, — говорит он, — благословен всеми отцами». Он был монах, и такое правило более идет к монашеской жизни. Но оно не невыполнимо и в жизни общественной, и, сколько видеть можно, по настоящему ходу дела и состоянию нашему, должно быть признано единственно верным. Единодушно ревнующие, наставляемые писаниями отеческими в предании Богу, мирно и безбедно оставаясь в том же порядке, шествуют прямым путем к христианскому преспеянию. Сюда можно отнести великую похвалу дружеству, воспетую Сирахом, которая здесь только вполне и приложима. «Друг верен — кровь крепка... боящийся Бога, обрящет его» ([Сир. 6:14—16](#)).

Итак, касательно руководства можно положить такие правила: «Бойся оставаться без всякого руководства; взыщи его, как первого блага. На первый раз ходи в определенном порядке благочестием, под нареченным отцом. Когда назнаменует Господь пользою от него очевидною, великою, испытанною, что это есть твой окормитель, — предайся ему. Скажется противное, — желай иного: но ищи его с опасением, терпением, пожданием, чая указания Божии или сретения, кого Бог пошлет, оставаясь все в том же порядке благочестной жизни и под тем же отцом, в неотделении от него. Между тем, вступи в союз откровенный с единомысленными и с их совета по Богу под отцом духовным ходи, уповая. Сретись единого единомысленного, приобщись к нему искренне, не оставляя других, и живи с ним душа в душу, Господа ради, во спасение. Только главное, — держи решительную Богопреданность, с болезненным взыванием об избавлении от прелести, и ни в чем никогда не следуй своему разуму и воле, а все, что ни делаешь, делай с совета, и Бог устроит путь, невидимо, незримо, неосвязаемо, неизвестно для тебя».

При этом припоминается само собою еще особенный способ руководства себя и воспитания посредством собеседования или вопрошения не одного, а многих подвижников, — отцов, известных в свое время, в своем ли месте, или в других. Так преподобный Антоний Великий ходил по всем и добродетели всех их усвоял себе. Так святой Василий Великий обтек

Египет, Палестину, Сирию, вопрошая и советуясь со святыми в то время отцами, и таким образом и сам себя образовал, и составил систему подвижнической жизни, которую осуществил в своих монастырях и пастве, которой руководствуемся доселе и мы. У святого Кассиана Римлянина составлена из этого целая книга совещаний; то же делали Софроний и Иоанн, составившие свой Лимонарь. Преподобный Нил Сорский ходил по Востоку, научился и других научил скитской жизни. Такой способ обучения и руководства может употребляться и ныне. Но, очевидно, что он должен быть предпринимаем мужем крепким в вере, уже успевшим, особенно призванным, горящим любовью к мудрости духовной, с крепким разумом, и в тех местах, где ожидается подвижная жизнь: иначе, мало ли что может встретиться? И опять, из действительно подвижничествующих сколько есть разноедействующих? А не соблазняться этим многообразным, провидеть единство кроющегося под ним духа, какая для этого требуется крепкая душа! Это подвиг странничества с целью умудриться духовно. Робкий не решится на него: но и другой всякий нелегко придет к этой мысли. А кто придет и созреет в ней, тот пусть действует с преданием себя Богу, решением себя на всякого рода лишения — и Бог устроит путь Его во благо. Нужны бывают такого рода странствователи в свое время, чтоб познать виды настоящего подвижничества, увидеть, в каком оно состоянии именно ныне и потом, применительно к настоящему состоянию христианства, к его внешнему быту, определительно выяснить и установить правила подвижничества, удобоприменимые ныне по возможности. Хотя существо подвижничества едино и неизменно, но внешний вид его может быть разнообразен.

Таково же решение и второго вопроса: как руководить других сознающему, что он сам еще не вошел в меру руководителя истинного, надежного? По Божественным и отеческим Писаниям — в Богопреданности. Помянутый старец Паисий говорит: «В древние времена, много от святых отец, от просвещения благодати Божией, ученики своя поучаху и не книжи суци. В нынешняя же времена отнюдь не повелевают святые отцы от себе кому поучати, но от Святого Писания и от учения преподобных отец» (стр. 287).

Взывание к Богу о вразумлении ради спасения душ, Им Самим ему вверенных, не может оставаться не услышанным: призови, и услышу ([Пс. 90:15](#)). Это больше всего может идти к стоящему на месте руководителя. И то еще — из таких большая часть стоят уже выше других тем, что имеют в своих руках более способов, более видели и слышали, прикасались хоть к образованию и опытности духовной. Теперь, возникши к ревности о спасении своем и других (о нерадящих нечего говорить), он вступил в должный путь и лучше других может видеть и взад и вперед. Пусть предметы сбивчивы еще и нераздельны, он имеет Писание, описывающее их — углубится, рассудит и, может быть, узнает. В то же время пусть поставит и себя на чреду руководимых, и с большим усердием взыщет совета одного или многих; и, таким образом, сам преуспевая более и более, вместе с собою будет влечь и вести и всех приходящих чрез него к Богу. Когда, сознавая свою немощь, он внушит руководимым, что путь спасения ныне один — чтение и слушание Божественных и отеческих Писаний, и расположит их к тому, то составит таким образом союз людей, вникающих в Писание для открытия спасенного пути и взаимного руководства под нареченным главою и наставником.

Вот окончательное определение спасительного, безопасного руководства в настоящее время. Им руководствовался святой Нил Сорский, который говорит: «Я не исполняю, но указываю Писания. Кто хочет жить со мною: вот ему правило, — исполни; нет, — отойди» (стр. 39). То же и в житии старца Паисия (стр. 286—287), оно выяснено подробно и им самим, и современным ему старцем Михаилом. И священноинок Дорофей, составляя руководство к подвижничеству, вместо предисловия поместил убедительное наставление о прилежном прочтении и послушании Писаний Божественных и отеческих, внушая, что это есть единственно благонадежный и безопасный путь спасения.

Таким образом удовлетворится первая неминуемая потребность покаявшегося, именно: руководство, пестунство. Другая существенная его потребность — это правила жизни, определение, как что делать.

2. Жизнь по правилам

Нужду сих правил мы отчасти уже видели. Не надо забывать, что она не такова, чтоб только лучше других была, а существенно необходима. Правила — безопаснейшая ограда жизни спасительной.

Без правил нельзя сохранить постоянство усердия, твердость намерения и стяжать крепость воли. Ревнующий дух как сила держится и крепится упражнением; при недостатке же его неизбежно слабеет и истощается сам в себе. Когда положены правила, то при должном их размещении всегда есть нечто для благочестного занятия, есть такое, что напоминает о новой жизни и занимает ею внимание. Переход от дела к делу есть продолжающееся трение духа, единого, в одном тоне, по одному чертежу. Этим непрестанно поджигается огонь ревности. А не будь правил, будут промежутки, затишья, остановки, уклонения; и жизнь не единична, и напряжение расслаблено, и ревность должна хладеть. Потому-то святой Исаак Сирианин говорит (сл. 85, стр. 534), что омрачение ума, смятение внутри, разленение и все нестроения в жизни зависят от того, что ей не положено определенного чина или порядка. В противном случае все будет зависеть от присутствия духа; но можно ли положиться на него? Он есть перемежающееся дыхание ветра. Хочется, — все делается быстро; нападет разленение, — и малого не сделаешь. Когда же положено правило, хотя не хоти, а делай, и будешь непрестанно делать.

Правила нужны для развития и образования сил. Начата новая жизнь; всем силам, следовательно, должно дать соответственное направление. Но они все чужды ей, иначе настроены, потому и должно определить, как именно ими действовать в новом духе, как новобранцу-воину все до малого движения указывают, пока он не навькнет.

Без правил не будет ровности образования и развития. Что сухая палка при молодых растениях, то правила при благочестивых занятиях. Когда всему положена мера и следуют не склонению сердца, а положенному правилу, — не станут заниматься одним более, а другим менее, а сколько и как узаконено. Оттого не будет успеха в одной части более, чем в другой, а все, соразмеряясь одно с другим, будет стройно по одному чертежу, в меру предначертанного совершенства.

Да и вообще, что бывает без правил и плана или чертежа? Дом строят, — составляют чертеж; войну начинают, — пишут план; суд наряжают, — дают программу. Всякому делу свое правило, мера, вес, число. Что значат уставы — воинский, учебный, судебный и прочие? Правило, порядок, чертеж действия. Без этого не может состояться, организоваться никакой род действующей жизни: в них отпечатлеваются характеристические черты известного круга деятельности. То же и в подвижнической жизни христианской. Если она имеет свой характер, то должна иметь и свой чин. Оттого в них всегда чувствуется особенная потребность. Всякий, расположенный к делу, сейчас требует наставления, как и что делать. Без правил он, словно во мраке, идет ощупью, с нерешительностью, с боязнию. С ними же идет бодро, не сумнясь, уповая. Потому-то, что делают ищущие спасения? Всегда спрашивают: как мне быть, что и как сделать? Все сказания об отеческих преданиях состоят из них. Целые патерики составлены из таких вопросов и ответов — то о посте, то о бдении, то о молитве.

Надобно, впрочем, и самые правила составлять по правилам. Касательно сего должно заметить:

1) Кто имеет руководителя, для того он сам начертает правила. Ученик есть смиренный, неразмышляющий исполнитель. Кто лишен сего блага, тому со всем опасением надлежит углубляться в отеческие писания и опыты их жизни; и найденное там, по совещании с кем

можно, принимать себе в правила делания.

2) При определении их должно употреблять великую осмотрительность и строгое рассуждение, чтобы вместо пользы не нанести вреда, вместо созидания — разорение: не все всем. Возраст, сила, прошедшая жизнь, воспитание, обстоятельства жизни, мера способностей, характер и прочее — все это должно брать во внимание и соответственно тому ставить правила. Нельзя одиноким образом действовать ученому и воину, торгующему и служащему.

3) Должно, впрочем, помнить, что эти правила, при всем разнообразии внешнем, всю свою совокупность должны выразить дух жизни и поднижничества в том или другом роде. Например, правила телесного делания — разны: но в существе их должно быть одно — нежелание плоти, ее стеснение. Не внешнее ценно, а это внутреннее — дух, с каким что творится.

4) Закон, которого должно держаться в применении правил, есть мерность, всесторонняя соразмерность с силами лица. Это общая им от всех похвала: умеренному деланию цены нет. Надобно учредить так, чтобы в них не было места ни послаблению, ни излишней строгости. Последняя истощает без пользования и изнуряет; а первая разленивает и погашает дух ревнующий. Умеренное же правило содержит дух в сообразном горении.

5) Из этого закона сам собою вытекает и другой: именно, постепенность. Дух упражнением зреет, крепнет и требует труднейших дел: соразмерно тому должна возрастать и мера правил. Пощение, молитвованье, трудничество постепенно восходят от силы в силу. Должно возвышать постепенно и правила в них. Стоять на одном — почти то же, что отступать назад, это — самая крайняя опасность.

6) Потому очевидно, что лучший руководитель в построении правил есть опыт. Испытай, и что найдешь полезным, того и держись. Так опытом узнают меру пищи, молитвованья и прочее. И не должно решать окончательно, пока опытом не установится, как лучше чему быть: это безопаснее. Не будет заносчивости теоретической и несообразности с жизнью действительною, а стало быть и нужды отступать от правил, — что очень вредно.

7) Надобно только приложить к этому искренность, добросовестность, имея в виду цель — трудничество во спасение и Богоугождение, без всякой поблажки саможалению. Твердо должно содержать в уме, что все льготное есть прелестно. Истинная оценка правила полезного есть некоторая его притрудность. Она отрезвляет, крепит и содержит в бодрости; а коль скоро льготность проглядывает, — беги от такого правила, как от язвы.

8) Не должно также и того упускать из внимания, что правила должны обнять всю жизнь, во всем ее объеме, во всех проявлениях: и тело, и душу, и дух, и деятельность внешнюю, и внутреннюю семейную, и гражданскую, личную и общественную. Весь человек должен быть обложен, объят правилами. Только при таком условии будет и требуемая ровность развития, и целесообразный дух правил, или тон.

9) Теперь само собою уже видно, в каком взаимоподчинении должны стоять все правила. Именно: телесное должно быть подчинено душевному, душевное — духовному, внешнее — всему этому. Правила эти должны стоять ровно и во взаимном благоприятствовании. Коль скоро правило одного отдела мешает другому, — надобно тотчас подозревать, что оно не в своем виде, то есть должно быть или отменено, или изменено. И действительно, кто возвысится до созерцания всего строя, тот редко может ошибаться в избрании правила и определении меры ему. Как для искусного архитектора или живописца мера одной части служит нередко указанием для построения всего плана дома или фигуры человеческой, — так и в этих правилах. Кто строит, тот не допускает, чтобы что-либо отступало от общего плана и стиля. В этом все искусство правилопологателя. Цель же всего — дух, который должен быть в Боге.

10) Совокупность всех такого рода правил составит устав делания подвижнического. Так

как подвижание соответствует видам действительной христианской жизни, а жизнь христианская является в двух видах — общественной и монашеской, то особый должен быть устав общий и особый монашеский, — и тут опять — один общежительный, а другой отшельнический.

11) Действование по этим правилам есть подвижание, предполагающее напряжение сил, труд; навык в них есть добродетель подвижническая. Отсюда видно, что нет христианской жизни не подвижнической, не труженической, не потовой. Кто отказывается от подвига, тот отступает от жизни. Это навыковение — цель, в нем ограда, обезопасение жизни. Подвижнические добродетели — твердая нерушимая стена истинно христианской жизни. Говорят: «правило на время». Нет, труд в правилах на время, а правила неперестающи. Только со временем они обратятся в сок и кровь и будут исполняться охотно, любезно, что сначала творится с принуждением. Вот почему надобно дорожить подвижническими добродетелями! Никогда не кидай в небрежении стяжанного. Хоть малое что береги: оно приведет к большему. Укрепился в чем-либо, — вот уж и безопасен с одной стороны.

Чтобы начертанные показанным образом правила привели к желаемому благу и могли выдержать свое назначение, — для сего должно держать себя в отношении к ним так:

1) Когда начертается весь план действия и определится вся совокупность правил, — обратись к Богу с крепким взыванием, да даст Он благословение на постоянное, полезное, Ему угодное их исполнение. Отвергни всякое кичение, самомнение, мечтательное наперед присвоение себе совершенства, имеющего прийти чрез них. Приступи с робостью, боязнию, опасением — не посрамиться бы отступлением и нарушением.

2) Положи завет с сердцем твоим, — не отступать от положенного правила, несмотря ни на какие труды и пожертвования. Потому после не допускай и помысла о том, чтобы то оставить, другое изменить: пусть стоит, как есть.

3) Для сего прими их с верою, что они угодны Богу, и следовательно, как закон совести, как волю Божию, от тебя именно требуемую, и, таким образом, нарушение правил считай преступлением. Лучше не определять, нежели определивши отступать. Чрез это образуется неустойчивый характер, готовый всегда делать и так, и этак.

4) Потому борись с искушениями, обращенными против правил. На первый раз враг особенно борет чрез них. И коль скоро мало в чем успеть, надеется, что будет успевать и в другом. Святые отцы живот свой за них полагали. Устояние в них есть отражение врага, победа. И это уже опытом изведено, что ни в одном правиле нельзя утвердиться без борьбы, коль скоро оно действительно полезно. Правило без борения — бесполезно, льстиво, ложно.

3. Путь тесный и прискорбный

Обложив себя правилами, подвижник возлагает на себя ярем благий и спасительный, но притрудный. Это — узы на его самость, очень ощутительные, пока она еще жива и в силе; это — указатели правой деятельности, сначала тяжелой, по неопытности и непривычке. Ходя по ним, он непрестанно нудится и исполняет их с болезнью. От этого путь, которым начинает он идти, всегда и везде есть тесный и прискорбный. Теснота, нуждность, прискорбность составляют неизбежную принадлежность пути спасенного; это первое, что встречает вступивший на него, чего он должен ожидать, к чему готовиться.

Такого рода теснота и притрудность неизбежны по самому свойству христианской жизни и подвижания в ней. Надо жить в отсечении своей воли и разума, в борении и погублении страстей, или непрестанном самоумерщвлении и самораспинании. Бороть страсть то же, что отдирать живую плоть от живой, вынимать самую глубокую и зубчатую занозу. Надо оставлять все угодное себе, видимо лишать себя многого, истощаться, болеть. С другой стороны, навывковение в добром или в новой жизни требует непрестанного напряжения, внутреннего и внешнего. Ни одно добро истинное не достается даром, а стяжается потом, слезами, труженичеством. Подвижнические добродетели: пост, бдение, молитва и прочие труды, — болезненны до навыка, а очень часто и после. Но на них останавливаться еще не велено: они суть средства к нравственным благорасположениям. В насаждении сих последних еще больше труда; но они тоже средства к жизни в Боге. Жизнь же в Боге столь же большего требует труда и подвига, сколько это божественное сокровище возвышеннее телесного делания. Таким образом, и там и здесь — труды, пот, болезнь. Ведь отдираем зло, и зло любимое, — больно; насаждаем добро, добро нелюбимое, — опять больно. «Обратись к Богу, — говорит преподобный Макарий Великий, — чтобы воспринять прежнюю славу. Но знай, что во многом труде и поте лица твоего восприимешь богатство сие. Прежде (в раю) без труда получил, но без труда и погубил; теперь не дается так. Желаящий спастись да подвизается, елико имать сил, очистить себя. Тогда, ради насилия, которое творим себе, умилосердится Господь» (сл. 4, 10). «Надобно насилие себе творить и нудить себя на всякое добро, хотя сего и не хочет сердце» (сл. 1, 13, 14). «Великий подвиг и скрытный, и невидимый труд требуется для исследования помыслов, для обучения немощных душевных чувств, различения добра и зла, для укрепления и возбуждения к Богу ослабевших душевных членов. Этот же скрытный подвиг и труд непрестанно мы должны иметь внутри сердца при всяком исполнении заповедей, пока придем к совершенству, где все будет легко» (сл. 2, 13, 14).

К внутреннему подвигу и труду всегда прилагаются скорби совне. «Вы не от мира, — говорит Господь, — Я избрал, отделил вас от него; сего ради ненавидит вас мир» ([Ин. 15:19](#)). «В мире скорбни будете» ([Ин. 16:33](#)). И точно: «многи скорби праведным» ([Пс. 33:20](#)). Кто бы ни был, сильный или бессильный, — стань только действовать по Богу, сейчас озлобления, скорби и нужды, когда действуют по чистой совести, без человекоугодия, имея в виду только славу Божию. Потому-то все святые, особенно Исаак Сирианин, отличительными признаками и истинно добродетельного, и истинной добродетели поставляют скорби. Даже так: сделаешь ли истинное добро, — жди скорби.

А тут и враг не дремлет. Он и внутреннее наше возгревает и затрудняет, и внешнее тяжелит и обставляет преградами. И сверх того, сам то призраками, то явлениями, то особенно какими-то ужасающими навеяниями и нападениями внутри, как ветром провеет, или как огненной стрелой прожжет тебя, — говорят святые.

Таким образом, лишь только ступит кто на путь правый, — со всех сторон на него вражда,

и изнутри и извне, и видимо и невидимо. Он — агнец посреди волков. Так ему и говорится вначале: «многи скорби праведным» ([Пс. 33:20](#)), «многими скорбми подобает... внити в Царствии» ([Деян. 14:22](#)), «будет скорби, на сие бо и лежим» ([1 Сол. 3:3](#)), «внидите узкими враты» ([Мф. 7:13](#)), ([Мф. 6:24](#); [Ин. 15:20](#); [1 Пет. 4:12—13](#), [Сир. 2:1](#); [Мф. 5:10](#); [Иак. 1:12](#); [2 Кор. 4:8, 17](#); [1 Пет. 4:1](#); [Апок. 7:14](#); [Мф. 7:13—14](#) и др.). Все мы во тьме и сени смертной, в руках врагов, злобных и хитрых; исход не может быть легким. И внешней свободы ищущие сколько труда и пота подьют; так здесь — сколько запинаний и поражений, боязни и страхов! Может быть, кто-нибудь спросит: а что же Господь? А то, что Он как бы намеренно устроит такой скорбный путь, то для того, чтобы приобщить Своим скорбям, то для того, чтобы скрыть нас от нас самих в этом безотрадном состоянии. «Господь лучше не может явить Своей любви ищущим Его, — говорит святой Исаак Сириан, — как подвергая их скорбям». Оттого-то это даже несомненный признак благоволения Божия, признак того, что Он обратил око Свое, избрал того, кто начинает страдать ради правды, ради имени Его. Такой человек поступает как бы в перемешку, как золото в горнило. Чуждые страдания, те, коим все льготно — «прелюбодейчищи» суть, по Апостолу ([Евр. 12:8](#)). Труды, слезы, скорби — самая лучшая перемешка, как для белья колоченье.

Потому-то от начала мира до ныне пересматривает Апостол праведных, и всех до одного видит страждущими, болезненными, утружденными. Патриархи страдают; Пророки страдают; Господь — подвигоположник больше всех; Апостолы — тоже; далее — мученики, подвижники и все святые, как видит Иоанн Богослов в Откровении. «Откуда приидоша? ...от скорби великие» ([Откр. 7:13—14](#)); они те, как там говорится, кои не пощадили душ своих.

Потому-то приступающему работать Господу должно уготовать душу свою на искушения. Не покоя, не сластей, не льгот, а труженичества, озлоблений, лишений жди, и не только жди, но ищи. Надо знать твердо, что кто творит добродетели, но без труда, стоит в подвигах, но льготно, без болезненных понуждений, — тот на пути прелестном. Что-нибудь да не так здесь. Между людьми в правде нельзя стоять мирно. Дух мирской есть плотоядный коршун — тотчас нападает. Потому и надо быть готовым на все...

Святые отцы готовность эту определяют очень просто и немногословно. Именно: иди как на смерть, и такой завет положи в сердце твоем, что ты оброчник смерти, которая поминутно готовится тебе, не зная, как и откуда. Только тот, говорят, и устоит непоколебимым, кто пойдет путем истинной христианской жизни с такими расположениями. Ибо коль скоро он умрет чувством и заветом сердца, то, что ни встретилось бы, будет уже слабее того, чего он ожидает, то есть слабее смерти. К этому они применяют притчу Спасителя о царе, рассчитывающем войско при наступлении войны ([Лк. 14:31—33](#)), и о хозяине, начинающем строить дом ([Мф. 7:24—27](#), [Лк. 6:47—49](#)). Рассчитывай, — говорят, — ожидающие скорби, и умри в помысле и чувстве, потому что только смерть составит достаточную сумму, такую должно иждивать на пути Христовом. «Не может быть Моим учеником... тот, — говорит Господь, — кто... не возненавидит... души своей» ([Лк. 14:26](#)). Быть готовым как на смерть, — это преимущественно полно выяснено и часто повторяется у святого Исаака Сириана. «Что ни встретится, — говорит он, — скажи, что умер, и полегчает; покой и упокоение есть дело самое ненавистное Богу».

Это нужно не одним отрекшимся от мира; живущим в мире еще нужнее такое расположение. Все это сретает истинных ревнителей благочестия; ложным — легко. К такому завету со своим сердцем должно еще приложить твердое и несомненное упование на Бога Вседержителя, нужно держать веру, что, несмотря на всю примрачность пути, ты — Божий, не отверженный, не презренный, а блюдомый Им; что Он с тобой, держит тебя в то самое время, как терзают тебя со всех сторон. Воображай себя держимым рукою Божию, подобно

замаранному плагу, который треплют, чтоб очистить. Держи веру, что какое бы ни было искушение, внутреннее или внешнее, оно тебе под силу, потому что Господь не даст тебе искушиться более, нежели можешь. Он ведет и воспитывает премудро. Помни также, что помощь Его близ, что она тотчас готова, лишь только воззовешь, и что только с такой помощью ты сможешь одолеть и не пасть; а потому всякое одоление Ему приписывай. Перенесенное без воззвания к Богу, и не отнесенное к Нему по перенесении, не угодно Ему и бесплодно, ибо всегда оставляется кичение и память о себе.

Не должно, однако ж, и ввергаться в скорби: отважная самонадеянность богопротивна, и всегда наказывается. Стой в готовности на все, хоть бы даже на смерть, — однако ж, ожидай сего в твердом уповании на Бога и предании себя Ему. Куда и как поведет, пусть ведет как угодно. Не поперечь, не желай того и того, ни льгот, ни скорбей. Пусть ведет; иди открытым лицом, ожидая всего скорбного, в уповании и предании себя Богу. Без такого расположения шагу не сделаешь на истинном пути. Все возвращающиеся вспять, возвращаются именно от неприготовления себя на подвиг и борьбу или от самонадеянности. Свой жар может помочь, но ненадолго. Он охлаждается естественно, — и человек остается не при чем.

4. Ревность о спасении

Отсюда видно, что вступающий на путь христианской жизни, еще слабый, больной, неустроенный, должен уже обладать великой силой и крепостью; иначе падет под готовой ему тяжести скорбей и подвигов. Сила, делающая его сносливым и все его труды плодоносными, есть ревность, усердие, тщание, забота о Богоугождении и спасении души. Как ищущий верного сокровища не смотрит на трудности, не задерживается и не устрашается препятствиями, так и христианин, — когда имеет ревность, искание, — все одолеет, и пройдет безбедно все пути. Искание все доставляет; ему Господь дал особое обетование: «ищите и обряцете» ([Мф. 7:7](#)). Искание есть жизненный дух, с погашением которого замирает жизнь. Это огонь, принесенный Спасителем на землю; это Его свет и живот. Пароход останавливается, когда выпускаются пары: и текущий вслед Христа падает, или скатывается назад, когда охладает. Вот чем запастись должно, вступая в делание заповедей и очищение страстей! Без того нельзя и начать этого дела в истинном духе; а если и начнет кто, то будет трудиться без плода, вяло, исподволь. Это празднотельство. Много людей есть проходящих подвиги и делание, но без плода: плод от духа, а дух Божий — в ревности. Проходит он в страстную и нечистую природу, чрез сродные с ним и с нами подвиги, или правила жизни, и там полагает целение, врачует и совершает. Следовательно, подвиг, делание — проводник благодати; а путь, или нить проводящая, — дух ревности. Потому-то все отцы особенно настаивают на том, чтобы не погасал сей дух. Святой Исаак Сирианин называет его псом лающим и заповедует непрестанно раздражать его. Святой Кассиан потерявшего сей дух почитает таким, коему Господь сказал: «имам тя изблевати» ([Откр. 3:16](#)) за то, что ни тепл, ни хладен, вял, делает — не делает, или то делает, того не делает. Макарий Великий говорит: ищи и толки; в этом начало; эту дверь входите. Ты только ищи, а Господь не забудет Своего... Тщание имеющий уже и сообщается с Богом. Святой Варсонофий почти непрестанно повторяет совет возгревать в себе огонь, принесенный Господом. И у Лествичника ревность, то есть огонь поедающий хвастие, то основание доброе, надежное и безопасное. Потому он и заповедует спешить восстанавливать ее, когда случится погубить каким-нибудь образом. Иным думается, что лучше заменить ревность твердостью произволения или воли, опасаясь от ревности опрометчивости: но твердость воли опасна; она близка к расчетливому рассудку, холодному равнодушию и действию эгоистическому. В мире она идет; в христианской жизни — опасна. Опасна и ревность, если ее оставить одну; но кто оградил ее послушанием или отречением от своей воли и разума и связал правилами, тому нечего бояться, — только ревнуй. Ревность, правда, предполагает быстроту действия, но не опрометчивость и необдуманность. Она означает: иди, не мешкай, не стой, гони с усердием, но гони по указанному и определенному пути, под надзором.

Все строение этой ревности можно выразить так: «ищи в надежде, без определения, и непрестанно начиная». Это мысль святого Макария Великого, которую он почти непрестанно повторяет. Очевидно, что недостаток чего-нибудь из входящего сюда или портит ревность, или расслабляет (например, сл. 4—18, 27, 28).

Впереди много труда, много опасностей: иди, будет плод. Земледелец трудится в поте и ест хлеб: то же и у тебя. Скоро минуешь скорби, вступишь в покой и насладишься и здесь внутренне и там. Ты — воин; смотри на венец и не бойся смерти. Скоро явятся знаки чистоты, начатой удобрения сердца. Чем решительнее, тем скорее, лучше и спасительнее.

Гони, делай, трудись, но не определяй плода. Плод есть дар Божий ради труда; а дать дар — в воле Даятеля. Потому, что бы ты ни сделал, не говори: «достиг» или «достигну», а — «если достигну». Корабельник три четверти пути проплывает, а все еще не доплыл, и не может сказать

— доплывет ли. Так и ты: никогда не считай себя достигшим, а только ищущим. Умалению страстей не верь, на крепость своих добродетелей не полагайся. Все может погибнуть в один раз. Не назад смотри, а вперед. Все, что имеешь, Господь дал; в Его же власти и взять обратно. Потому ничего не должно считать верным, а взывать только: «Господи, спаси мя! Имиже веси судьбами, спаси мя!»

Потому, никогда не говори себе: «Ну, теперь довольно, потрудился, можно и отдохнуть». Такая льготность, послабление — первый враг. Помысл будто и малый и слабый, но он самый коварный изменник; он отворяет врата врагам. Кто сложится с ним, тот падет. Святыми отцами он замечен, и всякому начинающему непрестанно внушается: смотри, не говори: «уже довольно, можно и послабить», а говори: «зачем ты здесь?» или: «что ж ты ничего не делаешь?» Или, обращаясь к Богу, молись, чтобы Он помог тебе положить начало спасения, — и непрестанно начинай. Непрестанно начинай, и напрягайся; но о льготах и думать не думай, а так и сложи в сердце своем, что тяготу и труд тебе несть по самую смерть, что впереди не облегчение, а все преутруждение.

Вот истинное строение духа ревнующего, безопасное, прочное, не дающее ни ослабы, ни необузданной горячности, ни самонадеянности, ни самомнения!